

Иван Алексеевич Чуриков с малых лет трудился в лавке у своего дяди, купца. Рано, с четырнадцати лет, завёл своё дело: «скупал и перепродавал волов, лошадей, овец, рыбу, фрукты, овощи, котлы для отопления и пр.», — писал исследователь жизни Чурикова и его современник Иван Михайлович Трегубов. — У него была своя лавка и харчевня со спиртными напитками и Библией, которую он читал в промежутках между торговлей». И пришёл к выводу, что между куплей и продажей рождается грех, и это сильно мучило его как религиозного человека. «Когда, бывало, продашь лошадь с норовом или каким другим недостатком землепашцу, а тот начнёт ею пахать и она плохо пашет, — вспоминал Иван Алексеевич Чуриков, — то сердце моё тук-тук-тук, и мне было больно, потому что у такого землепашца от плохой пахоты детишки без хлеба».

«Поэтому, когда умерла его дочь двух лет, а жена его, заболев душевно, была помещена в астраханскую больницу, то он поспешил раздать всё своё имение, — писал И.М. Трегубов о том, что Чуриков буквально воспринял слова из Евангелия, — и отправился в Петербург к Иоанну Кронштадтскому с просьбой помолиться о выздоровлении своей жены. Это было в июне 1894 года. Жена не выздоровела, и он остался в Петербурге, гневаясь на Иоанна Кронштадтского за то, что не исцелил её».

— Я ещё не знал тогда, — признавался Иван Алексеевич Трегубову, — к чему меня готовил Бог.

А готовил его Господь к проповеднической стезе. Чуриков надел на себя вериги весом двадцать два фунта и не снимал их ни днём, ни ночью, говоря, что умерщвляет свою плоть и думает только о спасении своей души и душ других пьяниц. У него открылся дар исцелять болезни, прежде всего алкоголизм. Многие выпивохи, слушая его речи, вопреки своему желанию, не могли пить и исцелялись от пристрастия к вину.

В Петербурге он посе-

Историки трезвеннического движения подразделяют его на этапы: первый возник в конце 1850-х годов, потом был этап Льва Толстого, третьему, в начале XX века, удалось почти отрезвить Россию, но пришедшие к власти большевики решили строить «светлое будущее», спаивая народ и расстреляв всех участников четвёртого этапа противодействия алкомафии. Знамя пятого этапа, длящегося и поныне, поднял в начале 1980-х годов Фёдор Григорьевич Углов со своими соратниками. Волна за волной поднимались волны трезвения и гасли, одни борцы сменяли других.

Но есть, оказывается, трезвенническая организация, которая борется за народную трезвость беспрерывно вот уже без малого сто двадцать лет! Это — последователи Братца Иоанна Чурикова, или, как его ещё называли, Иоанна Самарского, поскольку он был самарским торговцем, бросившим свой бизнес, чтобы целиком посвятить себя служению людям. Наша газета рассказывает об этом подвижнике. Сегодня мы вновь возвращаемся к его биографии, поскольку наше общество трезвости посетил «живой чуриковец», как он представился нам — Сергей Юрьевич Паламонов, исследователь жизни и деятельности Ивана Алексеевича Чурикова. В Саратов его привёл тот факт, что самарский купец — уроженец земли Саратовской! Родился Чуриков 15 января 1861 года в селище Передовой Посёлок (необычное название для XIX века!) Александровогайской волости Новоузенского уезда Самарской губернии. Сергей Юрьевич со своими единомышленниками, также членами Санкт-Петербургского православного общества трезвости Братца Иоанна Чурикова, Андреем Фоминим и Вячеславом Килиным, приехал на родину Чурикова, чтобы поработать в архивах Саратова и Новоузенска в надежде найти новые факты из жизни подвижника трезвости.

НАШ ЗЕМЛЯК ИОАНН ЧУРИКОВ

лился на Петроградской стороне, недалеко от Спасо-Котловского храма, где проповедовал с 1900 года по 1911 год. Об одной такой проповеди рассказал Н. Абрамов в газете «Петроградский листок» 4 июля 1916 года: «Прочтя то или другое место из свящ. Писания, он спрашивает: «Подходит ли к нам это писание? Оправдываем ли мы его своею жизнью? Похожи ли мы в жизни на пророков, Апостолов и св. отцов? Воплощаем ли Евангельские истины? Или проводим в жизнь сатанинскую ненависть и злобу?» Чуриков чутко следит за настроением слушателей. Когда он замечает, что его слова действуют, он вдруг прерывает свою проповедь и запевает псалом или молитву. Трёхтысячная толпа народа поёт сильно и удивительно стройно. Нередко слушатели во время проповеди со слезами каются, просят молитв «братца». Одни громко восклицают: «Прости, дорогой братец! Это я так поступаю. Помолись за меня, я больше не буду так жить!» Другие выкрикивают: «Спасибо, дорогой братец. Это ты вывел нас из пьяного омета. Ты нас спас от развратной жизни, вытаскил из грязного болота и вывел на дорогу трезвой жизни...» Сам Чуриков постоянно останавливает своих ревностных восхвалителей: «Что вы меня восхваляете? Вас исцелил Господь по вере вашей, а я только напомнил вам о Христе и о Его учении. Исполните заповеди Господни и вас Христос не оставит милостию».

Не всем нравилась деятельность Чурикова. Обозлился он прежде всего виноторговцев, подорвав им бизнес: если петербуржцы и дальше сотнями и тысячами будут бросать пить, то так и до полного разорения можно дойти. И Чурикова обвинили в сектанстве, чему способство-

вали и ревностные его поклонники. Впрочем, их можно понять: если человек по молитвам Чурикова исцелялся от болезни (а зафиксированы сотни случаев исцеления, и не только от пьянства), то его благодарность приобретала гипертрофированные формы. Почитание Чурикова как пророка вызвало недовольство церковных властей.

— За что же на меня роптать? — спросил Иван Алексеевич в беседе с митрополитом Антонием (Вадковским), — я посылаю людей в церковь за исцелением к Св. Тайнам.

— Да, правда, — отвечал владыка Антоний, — вы посылаете людей в церковь за отрезвлением к Св. Тайнам и Св. Тайны исцеляют их от пьянства и болезней, но народ приписывает вам славу, поэтому советуем вам прекратить личные приёмы.

— Владыко, а как же мне поступать с приходящими ко мне и просящими у меня молитв? — спросил Чуриков, и получил ответ: — Принимайте их по писочкам.

Новая форма общения Чурикова со страждущими не убавила числа приходящих к нему. Сергей Юрьевич Паламонов своей рассказ иллюстрировал фотографиями, на них запечатлены длинные очереди к дому Чурикова (за день он принимал до полутора тысяч человек!). Дождавшийся своей очереди проситель протягивал в щель двери записочку, Иван Алексеевич молился за просителя и давал письменный же ответ. В книге «Имя моё грешное поманите», изданной тщанием православного общества трезвости Братца Иоанна Чурикова в 2011 году, приведены факсимиле некоторых из них: «Дорогой Братец Иван. Помолись Господу Богу за меня грешного раба Владимира. Хотел бы я избавиться от

пьяни и от болезни под ложечкой и грудь и глазами», «Дорогой Братец! Помолитесь обо мне о том, чтоб мне Господь помог в ученье, как я худ по ученью, а притом и болен».

После революции, казалось, чуриковцы найдут общий язык с властями, провозгласившими, что «владыкой мира будет труд». До революции чуриковцы жили колонией. В 1918 году организовали сельскохозяйственную коммуны. Выделили им пятьсот десятин болотистой и лесистой земли, триста из которых они осушили, сделав плодородной. В протоколе допроса Чурикова от 20 апреля 1929 года в графе «Род занятий (последнее место службы и должность)» Иван Алексеевич написал: «Руководитель коммуны моего имени». Было под его началом 250 человек — большое сельскохозяйственное предприятие. Но уже наступали времена, когда в стране должен был остаться только один вождь — Сталин. И Чурикова арестовали. Умер он в тюрьме. А его коммуны, объявив лежкоммунной (вероятно, потому что трезвые крестьяне-чуриковцы жили зажиточно, а не бедствуя, как другие коммунары), переименовали сначала в «Трезвый путь», потом заменив «крамольное» слово «трезвый» на «новый», а затем назвав «Красный семёновод».

А дело Чурикова — отрезвления народа — продолжало жить. В обвинительном заключении по следственному делу № 2507 в 1931 году отмечается: «Ленинградская община «Чуриковцев», постепенно углубляя и расширяя организационную деятельность, с конца 1930 г. перешла на нелегальное существование, усиливая организацию малочисленных частных «бесед» на частных квартирах трезвенников». В подполье чуриковцы были до 1989 года, когда официально за-

регистрировали религиозную общину. Сегодня действуют четыре общины. Одну из них возглавляет Владимир Николаевич Глинский. В этой общине состоит и Сергей Юрьевич Паламонов. В 1999 году в Архиве музея истории религии он обнаружил связки записок (Иван Алексеевич принимал просителей и в 1920-е годы) и опубликовал вместе с другими документами в книге «Имя моё грешное поманите...» Это только первая книга из задуманных шести книг. Будут в последующих сборниках документов и саратовские находки. «В Новоузенск и Александров Гай съездили очень хорошо, узнали интересные вещи. Благодарю Вас за приём. С уважением, Сергей», — телеграфировал 31 марта по интернету с дороги Сергей Юрьевич, а уже из дома сообщил: «Во время поездки мы нашли краеведческие материалы, необходимые для понимания исторического контекста событий и местных условий в Новоузенском уезде конца 19 века. Все эти сведения помогут установить причинно-следственную связь между предшествующими и последующими историческому факту событиями.

Для саратовских краеведов это не новость, но сведения эти доступны только здесь, а некоторые были получены непосредственно на месте, как, например, то, что в Передовом посёлке сохранился «Чуриков сад» — фруктовый сад на окраине посёлка в низине.

Из найденных в Саратове (в библиотеке и в архиве) документов, непосред-

ственно относящихся к Чурикову, самый интересный — донесение унтер-офицера Ефима Линькова от 25 июня 1897 года о деятельности Чурикова в Новоузенске. Это подробное описание содержит массу интересных подробностей, а также слухов, в которых отражено восприятие личности И.А. Чурикова провинциальными обывателями и духовенством.

В просмотренных метрических книгах выявлены акты: записи с упоминанием самого И.А. Чурикова и его родителей Алексея Николаевича и Матроны Андреевны Чуриковых.

Да и сами по себе метрические книги содержат массу сведений, по которым можно получить представление о численности, вероисповедании, жизни, нравственности, здоровье, социальном статусе, материальном достатке жителей Ал-

гая. По документам Саратовского окружного суда, адрес-календарей удалось установить также имена и отчества, правильное написание фамилий, должности людей, принимавших участие в судьбе Братца Иоанна в Новоузенский период до 1900 года».

Будем ждать новых книг Сергея Паламонова о нашем замечательном земляке Иване Алексеевиче Чурикове.

Владимир ВАРДУН

На снимках: С.Ю. Паламонов рассказывает о Чурикове в Саратовском обществе трезвости, 27 марта 2012 года; И.А. Чуриков отвечает на записки, 1900-е годы.

С НИЖНЕЙ СТУПЕНЬКИ

С десантом питерских трезвенников приезжал в Саратов, поработать в архивах, улыбочный розовощёкий мужчина. Как оказалось, в недавнем прошлом наркоман. На встрече с нами он рассказал о своём пути возвращения к жизни. Зовут его Вячеслав. Вот его история.

Началось всё, как у большинства его товарищей по несчастью: попробовать дурь предложил друг.

И сразу «по-взрослому», с инъекции опиумным препаратом. А коли укололся, то надо и выпить, а потом закурить — весь набор безумца.

Когда спустя какое-то время осознал, во что превратил молодую жизнь, испытал ужас.

И в первый раз после потрясения осознания су-

мел бросить наркотики.

В награду судьба подарила ему девять лет настоящей жизни, за которые он успел кое-что сделать.

Отслужил в армии, женился, родилась дочь, попробовал себя в бизнесе — чем только не занимался. И трудности преодолевал, и проблемы решал, как положено мужчине.

Но... тут появился героин, а с ним «обслуга» — курьеры, врачи... Вячеслав позволял себе один-два

раза в год уколоться и уверился, что так можно жить, при этом работая.

Но не заметил, как вернулся, говоря его словами, в систему. А система была такова: больше работать, чтобы больше колоться.

Вываться уже не получалось. Как вариант обдумывал суицид, но тут же отказался, решив, пусть сколько проживёт, столько проживёт.

Но хоть несколько мгновений настоящей жизни ещё испытает в

редкие минуты просветления без наркотиков.

Такие муки длились долгих полтора года, когда наркотик принимал ежедневно (товарищи Вячеслава предлагали нам для убедительности посмотреть на его руки, чего мы делать не стали).

Он всё потерял, что имел, жестокая борьба продолжалась до 2009 года.

В один прекрасный день он по просьбе измученной мамы зашёл в Александров-Невскую лавру, просто так, без всякой надежды.

А получилось, что шагнул на нижнюю ступеньку лестницы спасения. Это он сейчас говорит, что случились всё чудесным образом.

И сам удивляется, как сдалось его пороки. Курил всю жизнь, а бросил в одну ночь, по молитве Серафима Вырицкого.

Без мата не общался, а тут вдруг замолчал на несколько дней.

Окружающие не понимали, почему молчит, а он учился говорить заново. Так все пороки покинули Вячеслава по его молитвам, хотя он сначала молился, не понимая смысла.

Теперь он третий год состоит в обществе трезвения, начал жить церковной жизнью. Нашлась работа в хорошем коллективе, руководит которым трезвенник в пятом поколении. Вы только задумайтесь о таком феномене, в наши дни вы таких

людей встречали? Вот это золотой генофонд!

И подчинённые тоже люди трезвые, несколько из них бывшие наркоманы. К Вячеславу недавно приезжала в гости из другого города взрослая дочь.

А сам он помимо работы тоже совершает поездки, занимается ещё чем-то, ведь вокруг столько интересного...

История нашего героя (без кавычек) — это подтверждение, что возвращение от черты невозврата возможно. И высшие силы помогут тому, кто сам сделает первый шаг, в корне изменит жизнь. Помните? Стучите — и вам откроют.

Татьяна ЩЕГЛОВА